

DOI 10.18503/1992-0431-2018-3-61-170-197

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ.
IV. АФИНЫ: ОТ «ВЕЛИКИХ ОСТРАКИЗМОВ»
ДО «ВЕЛИКИХ ДЕМАГОГОВ»

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва; Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru*

Аннотация. В первой части статьи анализируются и классифицируются прозвища видных афинских политиков на остраконах. Автор придерживается принятого им принципа, согласно которому прозвища были а) нейтральными, позитивными, негативными; б) устойчивыми, ситуативными, вторичными. Выясняется, что на остраконах преобладают ситуативные негативные прозвища, причем источником их, похоже, в ряде случаев могли служить инвективы в комедии.

Далее автор обращается к прозвищам политиков-демагогов периода поздней классики и указывает, что в конце V в. до н.э. появляются «профессиональные» прозвища (такие, как «кожевник» Клеон, «ламповщик» Гипербол и т.п.). Они часто также порождались комедией как сатирические эпитеты.

В заключении отмечается, что в целом у греков доэллинистического времени прозвища были менее распространены, чем позже. Возможно, играло какую-то роль то обстоятельство, что в эпоху эллинизма во всех отношениях расширились рамки греческого мира, а одновременно и интенсифицировались контакты между государствами. Ономастический же фонд греков оставался практически прежним, достаточно ограниченным

Ключевые слова: прозвища, Греция, Афины, остракизм, остраконы, демагоги, эпитеты

Данная статья, видимо, будет последней в нашем цикле о прозвищах в доэллинистической Греции¹. Соответственно, в ее конце неизбежно придется сделать определенные выводы обобщающего характера, пусть хотя бы пока и предварительные. В основной же части статьи речь пойдет, как и в предшествующей, о

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ. Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ См. предыдущие: Суриков 2017а; 2017б; 2018. Мы вынуждены указать, что в последнюю из этих статей вкралась досадная погрешность. Говоря о знаменитом прозвище Аристиды – «Справедливый», – мы в числе прочих свидетельств привели на языке оригинала цитату из Корнелия Непота (Суриков 2018, 99, прим. 41). В опубликованном тексте работы вместо нее появилась абракадабра; вероятно, мы по недосмотру не сняли опцию «автоматического исправления ошибок». Цитата (Nep. Aristid. 1) должна читаться так: “adeo excellabat Aristides abstinentia, ut unus post hominum memoriam, quem quidem nos audierimus, cognomine Iustus sit appellatus”.

прозвищах политических деятелей. На этот раз хронологические рамки работы всецело ограничены классическим периодом. Под «великими остракизмами», упомянутыми в заголовке, мы подразумеваем остракофории 480-х – 460-х гг. до н.э., которые явились важнейшим, ключевым фактором всей государственной жизни и жертвами которых нередко становились виднейшие лидеры афинского полиса, такие, как Аристид, Фемистокл, Ксантипп², Кимон. А «великие демагоги» – это такие персонажи времен Пелопоннесской войны, как Клеон, Гипербол, Клеофонт, чья деятельность знаменовала коренное изменение модели политической жизни³. На них, конечно, практика давать согражданам прозвища в Афинах не прекратилась, и несколько релевантных случаев может быть прослежено также для IV в. до н.э.

Прозвища на остраконах: опыт систематизации. В предыдущей статье⁴ нами были приведены⁵ в достаточно немалом количестве приписки на афинских черепках-«бюллетенях» для остракизма, которые с большей или меньшей степенью вероятности содержат прозвища афинских политиков. Тогда этот материал был дан нами еще без систематизации, и в конце статьи мы указывали, что такая систематизация насущно необходима. Сейчас мы и попытаемся ее осуществить, исходя из тех принципов классификации прозвищ, которая была предложена нами ранее.

Напомним, что прозвища, с одной стороны, можно поделить на нейтральные (употреблявшиеся с чисто идентификационной целью), а также эмоционально окрашенные – позитивные или негативные. С другой стороны, их же можно делить на устойчивые, ситуативные и вторичные (последние давались «задним числом», порой – *post mortem*). Посмотрим на остраконы именно с этой точки зрения.

Сразу необходимо оговорить, что вторичных прозвищ на них заведомо не должно появиться: остраконы – памятники современной жизни и деятельности лиц, которые на них упоминаются. Что же касается эмоциональной окраски, характерно, что мы не встретим на них никаких позитивных эпитетов, а только негативные или, в лучшем случае, нейтральные. И это тоже понятно: на черепках писались имена «кандидатов» на изгнание, а не награду, то есть это была не та ситуация, в которой уместны похвалы.

Оговорим также, что в дальнейшем, систематизируя данные, содержащиеся на остраконах, нам весьма часто придется ставить знак вопроса, поскольку сплошь и рядом является затруднительным однозначное отнесение текста к той или иной категории, да и границы между последними не столь уж четки. Все такие случаи будут специально оговорены. А персоналии политиков будут перечисляться в алфавитном порядке.

Агасий – ὄνος, «осёл»⁶. Прозвище негативное (?), ситуативное (?).

² Отец Перикла Ксантипп (о котором см. Суриков 2000а) тоже с полным основанием может быть назван политиком «первого ранга», его фигура в антиковедческих исследованиях незаслуженно недооценена.

³ Mossé 1985; 1995.

⁴ Суриков 2018, 101–106.

⁵ Естественно, с опорой на выкладки в нашем более раннем детальном исследовании процедуры остракизма (Суриков 2006).

⁶ Brenne 2002, 80. Об этой надписи на остраконе Агасия см. также Bicknell 1986.

Комментарий. Агасий, сын Арксимаха (из письменных источников почти не известен, хотя есть возможность отождествить его с тем заговорщиком Агасием, который упоминается в Plut. Aristid. 13⁷), на остраконах указывается приписанным то к дему Агрила, то к дему Ламптры. Ш. Бренне предлагает считать, что он по семье принадлежал к Агриле, а реально жил в Ламптрах⁸, но для нас это не принципиально. Итак, человека обозвали «ослом». Для нас это звучит сугубо оскорбительно, ныне осёл воспринимается как воплощение тупости. Не совсем так было в античности: в древнегреческом фольклоре осёл, похоже, предстает, как животное неглупое, но ленивое, упрямое и заносчивое (см. хотя бы Aesop. 179–191). Неоднократно отмечалось, что в афинской игре с черепками, называемой «остракинда»⁹, слово «осёл» являлось terminus technicus для проигравшего (Poll. IX. 112). Поскольку этимологическая связь между лексемами «остракинда» и «остракизм» прекрасно осознавалась афинянами V в. до н.э., достаточно резонным представляется мнение П. Бикнелла, согласно которому в данной надписи некий остроумец допустил сознательную игру слов: намекнул на то, что Агасий проиграет – а применительно к остракофории это должно означать «будет изгнан». Таким образом, прозвище следует считать скорее ситуативным (связанным с данным конкретным событием), чем устойчивым.

Аристид – τὸν Δάτιδος ἀδελφόν (аккузатив), «брат Датиса»¹⁰. Прозвище негативное, ситуативное.

Комментарий. Личность Аристида, сына Лисимаха, из дема Алопека, в разъяснениях не нуждается. Остракизмом он был изгнан в 482 г. до н.э., остраконов с его именем известно 123. Что касается данного эпитета, наиболее убедительным и поныне остается старое толкование А. Раубичека¹¹, согласно которому здесь мы имеем отрывок из сколия (сколии – стихи, совместно сочинявшиеся и тут же читавшиеся на аристократических симпозиях, своеобразный поэтический жанр¹²), тем более что выражение Ἀριστείδην τὸν Δάτιδος ἀδελφόν как раз прекрасно ложится в присущую сколиям метрику. Датис, видный персидский полководец (этнически – мидянин) надолго запомнился афинянам, поскольку именно он фактически возглавлял¹³ экспедицию 490 г. до н.э., приведшую к битве при Марафоне. В последней Аристид активно участвовал¹⁴, и каким образом оказался он тут причисленным даже не то что к друзьям, а прямо к родственникам Датиса – неясно. Если говорить в самом общем плане, впрочем, то понятно, что имела место некая недружественная пропаганда (скорее всего, со стороны, Фемистокла, который, продвигая свою морскую программу, имел желание ее противников, первым

⁷ Harvey 1984.

⁸ Brenne 2001, 89.

⁹ О которой см. (тоже в связи с остракизмом, но в другом контексте): Palme 2002; Siewert 2002a.

¹⁰ Brenne 2002, 81. Об этом и других интересных остраконах с именем Аристида см.: Raubitschek 1957; Piccirilli 1983.

¹¹ Raubitschek 1957.

¹² О нем см. Jones 2016. В этой же работе справедливо отмечается соответствие сюжетов некоторых сколий сюжетам современных им вазописных изображений. Перед нами – два параллельных продукта симпозиа.

¹³ Артаферн, племянник Дария I, был другим главой персидского контингента, но его роль, видимо, была скорее номинальной (Суриков 2005б, 312).

¹⁴ Суриков 2008, 90–94 (с указанием на чрезвычайное благородство, проявленное Аристом в ходе этой кампании).

среди которых был Аристид, записать в сторонники персов). Прозвище явно ситуативное, устойчивым же прозвищем Аристида было «Справедливый» (о чем мы писали в предыдущей статье данного цикла).

Архен – φιλοξενῶν, либо «любящий чужеземцев», либо просто «гостеприимный»¹⁵. Прозвище нейтральное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Об этом случае, к сожалению, вообще ничего нельзя утверждать с уверенностью. Архен из письменных источников неизвестен, а остракон против него сохранился только один, что, вообще говоря, не рекомендует его как видного политика. Возможно, он был известен не на общеполитическом уровне, а только на уровне своего дема¹⁶ (неясность ситуации, правда, усугубляется тем, что неизвестен его демотик, равно как и патронимик). Более того, есть мнения, согласно которым либо граффито с именем Архена вообще не является остраконом, либо, если это и остракон, приписку следует понимать в ином смысле (например, перед нами все-таки патронимик, но искаженно написанный малограмотным согражданином). Если же все-таки исходить из понимания надписи, предложенного выше, то не исключено, что мы имеем дело с прозвищем, причем скорее устойчивым и совершенно не обязательно негативным. В конце концов, тот, кто любит чужеземцев, гостей, от этого еще не становится изменником. Посему со знаком вопроса характеризуем прозвище как нейтральное.

Боон – Θορίκῳ οἰκῶν, «живущий в Торике»¹⁷. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Боон, сын Касона, из дема Торик, тоже явно не принадлежал к числу особо влиятельных афинян; есть только два остракона с его именем. Суть данной приписки – в том, что он уподоблен метэку¹⁸. Каждый метэк в Афинах был обязан приписаться к какому-либо дему и в дальнейшем официально обозначался именно как «живущий в таком-то дему», в то время как имена граждан сопровождалось полноценными демотиками («Перикл из Холарга», «Сократ из Алопеки» и т.п.)¹⁹. Но в то же время Боон, конечно, не был метэком, иначе он не мог бы стать «кандидатом» на изгнание остракизмом. Приписка сделана, скорее всего, с целью унижить указанное на остраконе лицо, подчеркнуть его «недостойность». Впрочем, не исключено, что никакого негатива здесь видеть и не следует. Возможно, что Боона просто по какой-то причине так называли в быту.

Каллий – Μῆδος, ὁ Μῆδος, ἐν Μῆδων²⁰, ἐκ Μῆδων, «мидянин», «из мидян» и т.п.²¹ Прозвище нейтральное (?), устойчивое.

¹⁵ Brenne 2002, 81 (с иной интерпретацией приписки).

¹⁶ О том, что среди персоналий, фигурирующих на остраконах, немало представителей элиты аттических демов, см. в нашей работе: Суриков 2005а.

¹⁷ Brenne 2002, 83.

¹⁸ Новейшие работы об афинском сословии метэков и его статусе: Adak 2003; Mansouri 2011.

¹⁹ Демотики афинян имели значительное сходство с этническими названиями граждан других полисов, что, наряду с другими соображениями, дало возможность высказывать в последнее время идею о том, что аттические демы были в известном смысле полисами (Cohen 2000; Whitehead 2001).

²⁰ На остраконе – ΕΓ ΜΕΔΟΝ, что, видимо, все-таки следует понимать все-таки ἐν Μῆδων (т.е. «в [стране] мидян»), а не как-либо иначе: гамма вместо ню поставлена перед сонорной мю по гиперкорректности.

²¹ Brenne 2002, 87–89. Об остраконах с именем этого Каллия см. также: Lewis 1974, 3; Bicknell 1974, 150; Rhodes 1981, 274; Shapiro 1982; Stein-Hölkeskamp 1989, 193 ff.; Littman 1990, 165 ff.; Brenne 1992, 173 f.; Brenne 2001, 119.

Комментарий. Открытие крупного афинского политика Каллия, сына Кратия, из дема Алопека, стало одним из главных «сюрпризов», которые поднесли антиковедам остраконы. Теперь уже практически никто не сомневается, что именно он стал жертвой остракизма в 485 г. до н.э. (Аристотель²² упоминает, что в этом году кто-то был изгнан, но не уточняет, кто именно). По числу известных остраконов, поданных против него (720 как минимум), Каллий уступает только Мегаклу и Фемистоклу, а оба этих последних, безусловно, подверглись остракизму, о чем известно из письменных источников. В литературе Каллия считают представителем либо рода Алкмеонидов, либо рода Кериков, а, скорее всего, он имел какое-то отношение к ним обоим. «Мидянином» сограждане именуют его на остраконах настолько часто, что мы уверенно (без знака вопроса) фиксируем наличие устойчивого прозвища²³, которое появилось, можно смело утверждать, в связи с тем, что Каллий, сын Кратия, возглавлял афинское посольство в Персию²⁴. Воспринималось ли прозвище как негативное? Не думаем, что сказать такое будет правомерно для любого контекста (ср. ниже, в связи с Гераклидом «Царем»), всё зависело от политической обстановки²⁵; в любом случае ничего обидного *stricto sensu* в подобном эпитете нет.

Калликсен – ὁ προδοτής, «предатель, изменник»²⁶. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Афинский политический деятель Калликсен, сын Аристони-ма, из дема Ксипета, совсем не упоминается в письменных источниках. Однако обнаружено довольно большое количество остраконов с его именем (281). Вообще говоря, к нему может быть отнесено многое из того, что было сказано чуть выше о Каллии. Причем если Каллий *мог* быть членом рода Алкмеонидов, то Калликсен безусловно *был* таковым – об этом имеется упоминание на другом его остраконе. Эпитет προδοτής, само собой, является негативным; с чем связано его появление здесь – в точности не известно, но, скорее всего, оно было обусловлено именно алкмеонидской принадлежностью политика. Алкмеониды подпортили свою репутацию во многом тем, что «заигрывали» с персидскими властями накануне Мидийских войн, со времени реформ Клисфена. Считаем прозвище ситуативным (хотя полной уверенности в этом нет), поскольку трудно представить, что кого-то устойчиво именовали «предателем», это все-таки уж очень оскорбительно, в отличие от куда мягче звучащего «мидянин». Нужно помнить атмосферу, в которой проходили остракофории 480-х гг. до н.э. Это был период между первым отражением персидской агрессии на Балканскую Грецию при Марафоне и походом Ксеркса, который эллинами ожидался как нечто неизбежное. Происходил поиск внутренних пособников врага, вот тогда-то Калликсена (и не его одного), видимо, и «наградили» столь позорной кличкой.

²² Arist. Ath. pol. 22. 6.

²³ В высшей степени характерно, что Каллий, сын Кратия изображается на карикатуре на одном из остраконов (всем такого рода карикатурам специально посвящена работа: Brenne, 1992), как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тире, с луком в руках.

²⁴ Суриков 2000б, 103–104.

²⁵ О проблеме «греческого мидизма» немало писали, см. теперь исчерпывающее исследование отечественного антиковеда: Рунг 2009, 33–64.

²⁶ Brenne 2002, 91. Об остраконах с именем Калликсена см. также: Stamires, Vanderpool 1950.

Клеиппид – Βυζάντιος, «византиец»²⁷. Прозвище нейтральное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Клеиппид, сын Диния, из дема Ахарны – достаточно видный афинский политик перикловой поры. В 440-е гг. до н.э. подвергался опасности остракизма, но изгнан не был (хотя, видимо, был серьезным «кандидатом», с его именем известно 124 остракона, в то время как, например, с именем Перикла – всего 4). В начале Пелопоннесской войны занимал пост стратега (Thuc. III. 3. 3). Из материала остраконов стало впервые известно, что Клеиппид был отцом двух демагогов конца V в. до н.э., Клеофонта и Филина²⁸. Особенно известен Клеофонт, ведущий деятель радикальной демократии на последнем этапе Пелопоннесской войны; о нем еще пойдет речь ниже. Что же касается непосредственно Клеофонта, понятно, что византийцем в прямом смысле, т.е. уроженцем полиса Византий, он не мог являться. Какое именно он имел отношение к Византию – в этот вопрос здесь не можем вдаваться; тем не менее из надписи на остраконе видно, что в какой-то момент он получил связанное с данным городом прозвище. Негативным оно вроде бы не представляется.

Ксанфий – ὁ κίθαροῦδος, «кифаред»²⁹. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Имеются лишь 4 остракона с именем Ксанфия (что интересно, ни на одном нет ни патронимика, ни демотика), и на двух из них он назван «кифаредом», что позволяет заподозрить устойчивый характер прозвища. Не похоже, что Ксанфий действительно был кифаредом по профессии: вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову применять остракизм к музыканту. Скорее это все-таки инвектива: Ксанфию приписано не слишком почетное занятие. Ш. Бренне³⁰ считает, что «Ксанфий» на остраконах – вообще не имя афинского гражданина (слишком уж «по-рабски» оно звучит), а насмешливое прозвище кого-то из политических деятелей (Фемистокла или Ксантиппа). Эта гипотеза вряд ли доказуема.

Леагр – μέλας, «черный»³¹. Прозвище негативное (?), устойчивое.

Комментарий. Леагр, сын Главкона, из дема Керамик (с его именем сохранились 86 остраконов) участвовал в политической жизни (входил в группировку Фемистокла), но в целом был не столько видным политиком, сколько изумительным красавцем, поражавшим современников (вазописцы времен его юности чрезвычайно часто наносили на сосуды надпись Λέαγρος καλός, «прекрасный Леагр»³²). Данный эпитет с неизбежностью вызывает реминисценцию со знаменитым «черным охотником» Пьера Видаль-Накэ³³, вечным юношей-эфебом. Но

²⁷ Brenne 2002, 93.

²⁸ Этот сюжет мы разбираем в: Суриков 2004.

²⁹ Brenne 2002, 133.

³⁰ Brenne 2001, 309.

³¹ Brenne 2002, 96. О Леагре см. также: Raubitschek 1939; Parker 1994; Суриков 2009.

³² О таких надписях в целом см.: Robinson, Fluck 1937. В связи с влиянием надписей с именем Леагра на хронологию афинской вазописи рубежа эпох архаики и классики см.: Francis, Vickers 1982; Cook 1989; Francis 1990; Vickers 1990; Williams 1996.

³³ Собственно, Видаль-Накэ более всего прославился реконструированным им образом «черного охотника», который являл собой одну из структурных парадигм древнегреческого менталитета. Статья этого ученого «Черный охотник и происхождение афинской эфебии», впервые опубликованная в 1968 г., получила широкий резонанс и впоследствии даже дала название самому известному сборнику статей Видаль-Накэ (см. в русском переводе: Видаль-Накэ 2001, 135–134).

этот круг сюжетов в связи с Леагром подробно разбирается нами в другом месте³⁴, а здесь только отметим, что прозвище «черный» для Леагра решительно считаем устойчивым (а не ситуативным), с точки же зрения эмоциональной окрашенности всё же трудно освободиться от впечатления, что прилагательное «черный» не могло не иметь несколько негативного значения. Впрочем, не исключено, что тут мы переносим-таки на античность представления, свойственные восприятию наших современников. Для древних греков вся цветовая гамма была во многом иной, и совершенно не факт, что черный имел в ней значение «абсолютного зла» (иначе греческие дети не получали бы таких имен, как «Меланф», «Меланфий» и т.п.)³⁵.

Леагр – Γλύκωνος, «сын Гликона (сладкого)»³⁶. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. На самом деле отца Леагра звали Главконом («совиным») – имя часто встречающееся и вполне ожидаемое в Афинах с их «символикой совы»³⁷. А тут он наименован Гликоном. Если это не банальная описка (пропуск *альфы*), то писавший решил сознательно поиграть словами, намекая на «сладостность» красавца Леагра.

Леагр – βᾶσκανος, «клеветник» (?)³⁸. Прозвище негативное (?), ситуативное (?).

Комментарий. «Клеветник» – основное значение существительного βᾶσκανος, однако Ш. Бренне³⁹ указывает, что оно может также означать «колдун, чаровник», и предлагает трактовать данный эпитет именно в таком смысле (дескать, прекрасный Леагр очаровывает всех). Считаем подобное толкование возможным, но не обязательным, особенно учитывая, что для него берется слово в далеко не самом ожидаемом для него смысле.

Мегакл – μοιχός, «прелюбодей, развратник»⁴⁰. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Мегакл, сын Гиппократы, из дема Алопека, представитель рода Алкмеонидов, изгнанный остракизмом в 486 г. до н.э., является «абсолютным рекордсменом» по количеству имеющихся с его именем остраконов (4445). На целом ряде этих черепков есть интересные приписки, и некоторые из них мы здесь разберем. Мегакл был не то чтобы видным политическим деятелем, а скорее влиятельным и даже блестящим аристократическим лидером «старого стиля». Почему, в связи с какими обстоятельствами своей жизни он назван здесь μοιχός⁴¹

³⁴ Суриков 2009.

³⁵ В качестве параллели можно припомнить, как относились греки к образу волка (к проблеме см. Туманс 2011; Суриков 2017в). У греков нередки имена с корнем λυκ-, да и имя Λύκος неоднократно встречается (в одних только Афинах 25 случаев: Osborne, Byrne 1994, 287–288). А нам трудно представить, что ребенка могли бы при рождении назвать «Волк» (хотя ср. немецк. Вольф, сербск. Вук, французск. Лу и пр.).

³⁶ Brenne 2002, 96.

³⁷ Одна из известных книг об Афинской архэ даже называется «Империя совы» (Samons 2000).

³⁸ Brenne 2002, 95.

³⁹ Brenne 201, 209.

⁴⁰ Brenne 2002, 114. Об этом Мегакле и различных интересных остраконах с его именем (некоторые из них будут упоминаться и ниже) см. также: Суриков 2003; Bicknell 1975; Lavelle 1989; Pardini 1990; Lewis 1993; Raubitschek 1994; Stanton 1996; Culasso Gastaldi 1997; Siewert 2002b. Как видим, литература вопроса весьма обильна.

⁴¹ Об этой категории см. Cantarella 1991; Leão, Rhodes 2016, ad fr. 23c.

(эпитет явно бранный) – сказать не представляется возможным. Не думаем, что такое прозвище можно считать устойчивым (у Мегакла, похоже, были и устойчивые, о которых см. ниже).

Мегакл – $\nu\acute{\epsilon}\alpha\kappa\ \kappa\acute{o}\mu\eta$, $\nu\acute{\epsilon}\alpha\varsigma\ \kappa\acute{o}\mu\eta\varsigma$, «с новыми волосами»⁴². Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Мегакл тут тот же, что и в предыдущем случае; а вот в связи с традиционной трактовкой прозвища (высказываемой, в частности, Ш. Бренне) нам хотелось бы поделиться сомнениями. По мнению Бренне⁴³, здесь «кандидат» на изгнание тоже обвиняется в разврате. Аргументы предлагаются следующие: из одного пассажа Аристофана (Ach. 849: $\text{Κρατῖνος ἀεὶ κεκαρμένος μοιχὸν μῆ μαχαίρα}$) можно сделать вывод, что прелюбодеев в Афинах остригали, следовательно, им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ход рассуждений, конечно, возможный, но отнюдь не обязательный. Нам представляется, что есть еще как минимум один вариант интерпретации, при этом нам опять же поможет текст комедиографа. Дело в том, что существительное $\kappa\acute{o}\mu\eta$ в греческом языке, помимо своего основного значения «волосы», нередко также употребляется в переносном смысле «гордость, высокомерие». Соответственно, глагол $\kappa\omicron\mu\acute{\alpha}\nu$ может означать не только «отращивать волосы», но также «гордиться, чваниться, иметь далеко идущие амбиции». Весьма характерен в этом отношении, например, пассаж Геродота о Килоне (V. 71), где говорится, что этот молодой аристократ после своей олимпийской победы $\acute{\epsilon}\pi\iota\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\acute{\iota}\delta\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\acute{o}\mu\eta\sigma\epsilon$, то есть возжаждал тиранической власти⁴⁴, а буквально – «отрастил волосы в отношении тирании». Механизм возникновения такого метафорического словоупотребления в целом понятен: отпрыски аристократических родов в знак своего знатного происхождения и для того, чтобы выделяться из массы сограждан, действительно отращивали длинные волосы (обычай, характерный, между прочим, для аристократов многих эпох и народов и имеющий, очевидно, архетипический характер). Не может ли и в надписи на остраконе $\kappa\acute{o}\mu\eta$ быть употреблено в том же значении? К образу Мегакла, несомненно, гордившегося своим знатным происхождением, участвовавшего в состязаниях колесниц на панэллинских играх (о связанных с ним «конных» эпитетах см. ниже) и, скорее всего, смотревшего на демос свысока, это вполне подходило бы.

Проиллюстрируем возможность нашей интерпретации примером из комедии. У комедиографа V в. до н.э. Гермиппа (Hermipp. fr. 58 Kock), в пьесе «Воины» применительно к какому-то войску говорится о $\kappa\acute{o}\mu\eta\ \tau\epsilon\ \nu\epsilon\alpha\nu\iota\kappa\eta\ \sigma\phi\epsilon\rho\acute{\iota}\gamma\epsilon\iota\ \tau\epsilon\ \beta\rho\alpha\chi\acute{\iota}\omicron\nu\omega\nu$, то есть дословно о «юношеских волосах и мощи рук». Понятно, что в действительности здесь идет речь не о «юношеских волосах», а о юношеском пыле, юношеской гордыне. Представляется весьма вероятным, что Мегаклу приписываются те же самые черты. Кстати, если взять в расчет цитированный выше текст Геродота о Килоне, то не окажется ли, что автор (или авторы, таких черепков несколько) подобной инвективы на острака косвенно намекали на опас-

⁴² Brenne 2002, 115–116.

⁴³ Brenne 1994, 14. Ср.: Brenne 1992, 172, где тот же исследователь менее категоричен и признает, что толкования этих надписей могут быть различными.

⁴⁴ Это впервые заметили Ш. Бренне (Brenne 2002, 115) и мы (Суриков 2006, 375), независимо друг от друга.

ность Мегакла как потенциального тирана, человека, который ввиду своей νέα κόμη (молодой гордыни) может в конечном счете ἐπὶ τυραννίδι κομᾶν? В таком случае в нашем распоряжении будет первое эпиграфическое свидетельство, приводящее лицо, изгоняемое остракизмом, в связь с угрозой тирании. Исследователи отмечали, что до сих пор ни на одной приписке на остраконах «фактор тирании» не отразился⁴⁵, и удивлялись этому в свете того, что нарративная традиция считает данный фактор едва ли не самым важным для функционирования института остракизма. Не найдено ли «недостающее звено»? Подводя итог: данный, скорее негативный, эпитет, представляется нам, мог быть и устойчивым прозвищем надменного аристократа Мегакла.

Мегакл – φιλάργυρος, «корыстолюбец»⁴⁶. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Мегакл – тот же самый. Почему ему вменено в вину корыстолюбие – неизвестно. Впечатления устойчивого прозвища у нас не возникает. Ср. соображения о взяточничестве, приведенные ниже, в связи с Меноном.

Мегакл – ἀλειτηρός, «оскверненный, проклятый»⁴⁷. Прозвище негативное, устойчивое (даже применительно не к этому конкретному индивиду, а ко всему его роду).

Комментарий. Не приходится сомневаться в том, что здесь имеется в виду «Килонова скверна», часто фигурирующая в источниках в связи с Алкмеонидами⁴⁸. Алкмеониды VII–V вв. весьма часто упоминаются античными авторами именно как «оскверненные»⁴⁹. Обратим внимание на то, что это же самое слово фигурирует в известнейшей эпиграмме⁵⁰ на остраконе против Ксантиппа (отца Перикла), близкого родственника Мегакла.

Мегакл – Κυλώνειος, «килоновец» (sic!)⁵¹. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Здесь перед нами особенно интересный случай. Прапрадед данного Мегакла, тоже Мегакл⁵², в 636 г. до н.э., являясь архонтом-эпонимом⁵³, возглавил подавление мятежа Килона (из чего и возникла «Килонова скверна»). Он, конечно, не был «килоновцем» в смысле участника заговора Килона, он просто сыграл немаловажную роль в этой ситуации, что и сохранила в смутном виде память народная.

⁴⁵ Например: Schreiner 1970, 87; Siewert 1991, 6. На работу, указанную последней, обратим особое внимание. В ней П. Зиверт был предпринят первый в мировой историографии опыт анализ эпитетов политиков на остраконах (хотя он еще не рассматривал эти эпитеты как прозвища).

⁴⁶ Brenne 2002, 117.

⁴⁷ Brenne 2002, 104–105.

⁴⁸ Именно этому сюжету была посвящена наша кандидатская диссертация (Суриков 1994), он потом занял важное место и в нашей первой монографии (Суриков 2000в).

⁴⁹ По истории их родового проклятия существует достаточно обильная литература. В частности, с чисто событийной точки зрения и поныне представляет интерес серия статей: Williams 1951; Williams 1952a; Williams 1952b.

⁵⁰ Текст, перевод и указания на литературу об этой надписи (editio princeps – Raubitschek 1947) см. Суриков 2006, 73–74.

⁵¹ Brenne 2002, 103.

⁵² См. генеалогическое древо: Суриков 2000в, 249–250.

⁵³ Develin 2003, 30 (с датировкой 632 г. до н.э., но она неверна).

Мегакл – Ἴπποκράτους καὶ Κοισύρας⁵⁴, в традиционном понимании⁵⁵ – «сын Гиппократы и Кесеры», в нашем понимании – «сын Гиппократы и муж Кесеры» (доводы в пользу столь неожиданной интерпретации см. ниже, в комментарии). Есть на остраконах с именем Мегакла также просто слово Κοισύρας⁵⁶ (женское имя Кесира в родительном падеже). Прозвище негативное (?), устойчивое.

Комментарий. О том, какие афинянки из рода Алкмеонидов (или связанные с ним) носили имя Кесира, в свое время детально написал Т. Шир-старший⁵⁷. Согласно его выкладкам, таковых женщин было три, и выкладки эти поныне представляются нам безупречными, попытки произвести четвертую Кесиру, мать Мегакла, не производят на нас положительного впечатления. Кесирой звали не мать, а жену Мегакла, которая также являлась его двоюродной сестрой, дочь «отца афинской демократии» Клисфена⁵⁸. Имя Кесеры отразилось в комедии, а именно у Аристофана: Aristoph. Ach. 614 – ὁ Κοισύρας (!); Aristoph. Nub. 48; Aristoph. Nub. 800 – Κοισύρας (!). Благодаря комедиографам (а может быть, и не только им) оно стало даже нарицательным в Афинах V в. до н.э., и от него был, в частности, образован неологизм ἐγκεκοισυρώμενος (participium perfecti passivi от глагола ἐγκοισυρόω, «окесирить») со значением «чванящийся родом и богатством, надменный, высокомерный»⁵⁹. Упоминание Кесеры в связи с Мегаклом не только на остраконах 480-х гг. до н.э., но также и в аристофановских драмах более полувека спустя является твердым залогом устойчивого, а не ситуативного характера прозвища.

Мегакл – ἄπολις (?), «лишенный города, лишенный полиса, изгой». Прозвище негативное, ситуативное.

Комментарий. Здесь перед нами непростой случай. Сохранившееся на остраконе Λι мы вслед за А. Раубичеком⁶⁰ трактуем⁶¹ как остаток вокатива ἄπολι от прилагательного ἄπολις (есть иные варианты восстановления, но они представляются менее вероятными). Мегакл мог получить подобную (чисто ситуативную) кличку именно в связи с тем, что стал жертвой остракизма. Характерно, кстати, что ἄπολις, а не ἄτιμος («лишенный гражданских прав»). Как известно, остракизм не предусматривал атимии; подвергшееся ему лицо гражданство не лишалось, а вот полиса именно лишалось – временно, до окончания срока изгнания.

Мегакл – ἵπποτροφός, «содержащий коней»⁶². Прозвище нейтральное, устойчивое.

Комментарий. Многие представители рода Алкмеонидов отличались своими победами на славных спортивных играх в состязаниях колесниц – и этот Мегакл

⁵⁴ Brenne 2002, 108.

⁵⁵ Например: Lavelle 1989.

⁵⁶ Brenne 2002, 109.

⁵⁷ Shear 1963.

⁵⁸ У Клисфена не было сыновей, только дочери (Cic. De leg. II. 41). Он поэтому сталкивался с проблемой наследования (ср. Cromeu 1979) и был вынужден отдать дочь за близкого родственника (что, впрочем, и в целом соответствовало афинской аристократической норме близкородственных браков, близких к инцестуальным: Сох 1989; в историческом контексте см. также Lape 2002/2003).

⁵⁹ Суриков 1995, 49.

⁶⁰ Raubitschek 1994.

⁶¹ Суриков 2003.

⁶² Brenne 2002, 112.

(пифийский победитель 486 г. до н.э.⁶³), и его сын, тоже Мегакл (олимпийский победитель 436 г. до н.э.⁶⁴). Этот мотив мастерски обыгрывается в начале «Облаков» Аристофана. Не приходится сомневаться в том, что очень многие сограждане в быту называли Мегакла «гиппотрофом», даже не вкладывая в данный эпитет какого-либо негативного смысла⁶⁵.

Мегакл – ἵππότης, «конник»⁶⁶. Прозвище нейтральное, устойчивое.

Комментарий. Тут можно сказать всё то же, что относится к предыдущему эпитету, а также заметить, что в данном случае перед нами гомеровская по истокам лексема. Каждый знает, что у Гомера Нестор, царь Пилоса, постоянно фигурирует как «конник геренский». Существует, кстати, мнение, что это гомеровское ἵππότης, равно как и микенское e-qe-ta, следует связывать не с ἵππος, а с ἔπομα⁶⁷, т.е. под термином следует понимать не столько кавалериста, сколько придворного по отношению к «главному» царю (если внимательно вчитаться в «Илиаду», можно заметить, что именно такую позицию занимает Нестор по отношению к Агамемнону). Однако, независимо от степени вероятности этой гипотезы, нет сомнения, что Гомером и в послегомеровское время эпитет ἵππότης (эпический вариант⁶⁸ аттического ἵππότης) однозначно воспринимался как «конник».

Менон – ἐκ προδοτῶν, «из предателей, из изменников»⁶⁹. Прозвище негативное, устойчивое (?).

Комментарий. Менон, сын Менеклида, из дема Гаргетт – личность не вполне обычная. Он был знатным фессалийцем, другом Кимона и по протекции последнего получил афинское гражданство. Таким образом, перед нами – один из буквально единичных для V в. до н.э. случаев, когда не коренной, а натурализованный афинянин притом играл довольно видную политическую роль. Менон даже однажды занял номинально высший в полисе пост архонта-эпонима⁷⁰. Количество остраконов против него весьма изрядно – как минимум 608 (да, видимо, стоит отнести к тому же лицу еще несколько десятков, на которых упомянут Менон без патронимика и демотика либо с ошибочными патронимиком или демотиком). Обратим внимание на то, что Менон в данной надписи – не «предатель», а именно «из предателей», что, как нам кажется, может с некоторой долей вероятности указывать на устойчивый, а не ситуативный характер прозвища. Происхождение же его с наибольшей степенью уверенности следует связывать именно с фессалийским происхождением данного политика. Фессалийцы в глазах афинян все были предателями после того, как в ходе экспедиции Ксеркса Фессалия добровольно, без каких-либо попыток сопротивления перешла на персидскую сторону.

⁶³ Этой победе посвящена VII Пифийская ода Пиндара.

⁶⁴ Moretti 1957, 105.

⁶⁵ На одном из черепков, направленных против Мегакла, сына Гиппократы, присутствует изображение всадника – вполне понятный сюжет, если учесть вышеупомянутую гиппотрофию, практиковавшуюся Мегаклом.

⁶⁶ Brenne 2002, 112.

⁶⁷ Webster 1962, 457.

⁶⁸ Об эпическом диалекте древнегреческого языка в его связи с историческими диалектами см. Hackstein 2010.

⁶⁹ Brenne 2002, 120 (Ш. Бренне предлагает иное восстановление этой фрагментарно сохранившейся надписи, но нам оно кажется менее вероятным). Об остраконах с именем Менона см. также: Peek 1941, 71; Raubitschek 1955; Helly 1994.

⁷⁰ Develin 2003, 69 (473/472 г. до н.э.).

Менон – ἀφελής, «простой, неизысканный», ἀφελῶν βασιλεύς, «царь простых»⁷¹. Прозвище негативное (?), устойчивое (?).

Комментарий. Это тот же самый Менон, а вот почему он здесь удостоивается такого эпитета – трудно сказать. Возможно, пришелец из периферийной Фессалии воспринимался несколько «неотесанным» на фоне рафинированной афинской элиты. Прозвище ἀφελής повторяется на остраконах немалое количество раз, что позволяет признать его скорее устойчивым.

Менон – δωροδοκῶτατος, «взяточник из взяточников»⁷². Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Наши выдающиеся антиковеды Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко однажды вынесли такой вердикт: «Возможно, склонность руководителей демократического государства к коррупции является чертой, имманентно присущей этому строю»⁷³. Суждение представляется вполне взвешенным⁷⁴. Взятку древние греки называли просто «даром», δῶρον. Тем не менее, конечно, получение таких «даров» официальными лицами никогда и никем не приветствовалось, а Менон, как отмечалось выше, был в своей жизни и официальным лицом в Афинах (архонтом-эпонимом)⁷⁵. Прозвище не производит впечатления устойчивого.

Фемистокл – καταπύγων⁷⁶, обценный эпитет⁷⁷, который филологи-классики, люди целомудренно-стыдливые, обычно переводят эвфемистически, например, как «развратный»⁷⁸ или “given to unnatural lust”⁷⁹. Если же называть вещи своими именами, так определяли лиц, приверженных к пассивному гомосексуализму, что считалось приемлемым для мальчиков и подростков, но совершенно недопустимым для взрослых мужчин⁸⁰. Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. Личность Фемистокла, сына Неокла, из дема Фреарры – одного из виднейших политических деятелей классической Греции – в разъяснениях не нуждается. Фемистокл был изгнан остракизмом в 470 г. до н.э.⁸¹, но являлся одним из главных «кандидатов» уже и на первых остракофориях (480-е гг. до н.э.), количество остраконов с его именем очень велико (2238). Из письменных источников неизвестно, чтобы Фемистокл имел какое-либо устойчивое прозвище (каковым, например, было «Справедливый» для его важнейшего соперника Аристида);

⁷¹ Brenne 2002, 124–126.

⁷² Brenne 2002, 123.

⁷³ Маринович, Кошеленко 1996, 330.

⁷⁴ О взяточничестве и коррупции в демократических греческих полисах см. также: Harvey 1985; Kulesza 1995; Taylor 2001; Lenfant 2016

⁷⁵ Традиционно считается, что архонты в V в. до н.э. лишь номинально возглавляли государство. В целом это верно (подробнее см.: Суриков 2012), но тем не менее члены коллегии архонтов все-таки могли оказывать серьезное влияние на ситуацию, в частности, пользуясь тем, что они возглавляли судебные коллегии и проводили предпроцессуальные слушания дел (в VI речи Антифонта, например, архонт-басилей отклонил по формальным причинам поданный ему иск, о контексте ситуации см. Суриков 2014).

⁷⁶ Brenne 2002, 132.

⁷⁷ О нем см.: Milne, Bothmer 1953. Подробнее об обценной лексике в Афинах V в. до н.э. (в том числе и об этой лексеме) см. Henderson 1991.

⁷⁸ Вейсман 1991, 680.

⁷⁹ Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 907.

⁸⁰ Cantarella 1989, 157.

⁸¹ К хронологическим проблемам события см. Суриков 2006, 137–138 (со ссылками на предшествующую литературу вопроса).

по нашему мнению, нет серьезных оснований считать таковым и *καταπύγων* – уж очень грубо-оскорбительно это слово. Здесь перед нами, скорее всего, ситуативное прозвище, на грани банального ругательства.

Фемистокл – *ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος*⁸². Второе слово означает «скверна, проклятие, а первое – в той его форме, как оно зафиксировано на остраконе, – не дает удовлетворительного смысла. Перед нами – либо гапакс, либо, вероятнее, какая-то ошибка писавшего. Если понимать слово как искажение прилагательного *ὑπόγαιος* «подземный», то выйдет вроде бы, что Фемистокл назван «подземным проклятием»⁸³. Смущает, однако, то, что тогда получится грамматическая несогласованность: прилагательное имеет окончание -ος, а существительное *ἄγος* – среднего рода. Трудно поверить, что кто-то из граждан был до такой степени безграмотным. Мы поэтому склоняемся к мнению⁸⁴ о том, что здесь искажение иного рода и выражение следует понимать как *ὑπέγγυος ἄγους* – «подлежащий проклятию». Прозвище негативное, ситуативное (?).

Комментарий. После сказанного в предыдущем абзаце, в общем-то, комментировать уже почти и нечего. Отметим только: не похоже, что перед нами устойчивое прозвище. Тем более что обычно скверну, проклятие (*ἄγος*) в Афинах VII–V вв. до н.э. связывали с родом Алкмеонидов («Килонова скверна»)⁸⁵, а не с родом Ликомидов, к которому принадлежал Фемистокл. Напротив того, Мирон из рода Ликомидов ранее на суде обвинял Алкмеонидов в оскверненности (Arist. Ath. pol. 1). Впрочем, за давностью лет многие афиняне к эпохе остракизмов явно порядком подзабыли, кто играл какую роль в деле Килона; назвали же Алкмеонида Мегакла на остраконе *Κυλώνειος*, как мы видели выше.

* * *

Подведем итоги осуществленному систематизированному анализу прозвищ афинских политических деятелей, фигурирующих на остраконах. Результаты, в общем-то, предсказуемы. Во-первых, чем больше известно остраконов с именем данного лица, тем, как правило, выявляется больше и прозвищ этого лица. Так, «абсолютным рекордсменом» по остраконам, как отмечалось выше, является Мегакл; и именно его прозвищам пришлось уделить особенно много места. Во-вторых, негативные прозвища отчетливо доминируют над нейтральными. А вот удастся ли обнаружить аналогичное преобладание ситуативных прозвищ над устойчивыми – тут у нас такого же однозначного суждения нет, прежде всего из-за того, что многие случаи неясны (что мы и отмечали знаком вопроса).

Эпоха демагогов. Первым демагогом в афинской политической жизни должен быть признан все-таки Перикл; его методы борьбы с соперниками (особенно на первом этапе его политической карьеры, когда он стремился вырвать первенство у Кимона) были, в сущности, теми же, какими пользовались потом его преемники, знаменитые демагоги последней трети V в. до н.э. (Клеон и прочие)⁸⁶.

⁸² Brenne 2002, 131.

⁸³ Ср. Berti 1999, 99.

⁸⁴ Hornblower 1992, 203.

⁸⁵ Об этом роде и его «скверне» см. наиболее подробно в нашей монографии: Суриков 2000в.

⁸⁶ Ср. Hornblower 1992, 346.

У Перикла, как знают все, имелось одно в высшей степени позитивное и в высшей степени устойчивое прозвище – «Олимпиец» (Ὀλύμπιος), причем подразумевалось тут не что иное, как то, что Перикл подобен Зевсу (для этого последнего эпikleза Ὀλύμπιος была одной из главных, начиная с времен Гомера). Данное прозвище стало уж настолько устойчивым, что пережило античность: сплошь и рядом Перикла именуют Олимпийцем даже и в современных работах⁸⁷.

Главный источниковый пассаж, имеющий отношение к прозвищу Перикла «Олимпиец», содержится у Плутарха (Plut. Pericl. 8): «...Он (Перикл – И.С.) далеко превзошел всех ораторов. По этой причине, говорят, ему и было дано его известное прозвище (τὴν ἐπίκλησιν). Впрочем, некоторые думают, что он был прозван “Олимпийцем” (Ὀλύμπιον... προσαγορευθῆναι) за те сооружения, которыми украсил город, другие – что за его успехи в государственной деятельности и в командовании войском; и нет ничего невероятного, что его славе способствовало сочетание многих качеств, ему присущих. Однако из комедий того времени⁸⁸, авторы которых часто поминают его имя как серьезно, так и со смехом, видно, что это прозвище (προσωυμία) было дано ему главным образом за его дар слова; как они говорят, он гремел и метал молнии (βροντᾶν... καὶ ἀστράπτειν), когда говорил перед народом, и носил страшный перун (δεινὸν δὲ κεραυνόν) на языке». Громы, молнии, «перуны» (пучки молний или, возможно, шаровые молнии) были неизменно атрибутом опять же Зевса.

Хотя Перикла ни разу не называет «Олимпийцем» Перикл, питавший особенно почтение к этому государственному деятелю⁸⁹, всё же не приходится сомневаться в том, что Плутарх не выдумал нам прозвище, а действительно донес до нас сведения о реальном, причем первичном, то есть появившемся уже при жизни рассматриваемого исторического персонажа. Дело в том, что на основании этого устойчивого прозвища Перикла (прозвища, апеллировавшего, повторим и подчеркнем, к Зевсу) авторами древней аттической комедии был создан для него ряд ситуативных, пародирующих исходное, и притом, в отличие от него, отнюдь не позитивных, а, напротив, негативных, в основном осмеивающих такой недостаток его внешности, каким была несоразмерно вытянутая голова великого афинянина.

Комедиографы поэтому постоянно подшучивали над головой Перикла (дальнейшие выражения даются по: Plut. Pericl. 3), называя его «головастым Зевсом» (Ζεὺς κεφαῖός)⁹⁰, «лукоголовым Зевсом» (σχίνοκέφαλος Ζεὺς), «собирателем голов» (κεφαληγερέτα – аллюзия на гомеровское νεφεληγερέτα, «собиратель туч»), «главой (κεφάλαιον) подземных царств» (здесь опять же игра слов, опирающаяся на имеющую место в греческом языке, как и в русском, семантическую и этимологическую близость слов «голова» и «глава»). Приведенные выражения

⁸⁷ В том числе и в заголовки их вводят подобный эпитет, например: Raaflaub 2000.

⁸⁸ Наиболее фундаментальной работой об образе Перикла в древней аттической комедии и поныне остается Schwarze 1971. Менее впечатляет другое исследование (Vickers 1997), в котором не столь обширен охват свидетельств источников.

⁸⁹ Об отношении Фукидида к Периклу см. наиболее подробно: Will 2003.

⁹⁰ Строго говоря, в этой строчке Кратина – Ζεὺς ξένιος καὶ κεφαῖός (в вокативе), «Зевс, милостивый к иностранцам, и головастый», т.е. тут к контексту привязан еще и распространеннейшая эпikleза Зевса «Ксений» – «покровитель иноземцев». Перикл так тут назван, понятно, потому, что постоянно общался с интеллектуалами-метэками (о символическом характере подобного поведении см. Humphreys 1983, 24), и тут перед нами, самое большее, ситуативное прозвище.

– все, кроме последнего, из драм Кратина, одного из древнейших аттических комедиографов и заведомо современника Перикла (когда Аристофан только-только начинал заниматься ремеслом комедиографа, Кратин был уже стариком, завершившим свою сценическую карьеру⁹¹), а последнее – из Евполида, который был положе, но родился тоже в Перикловы времена.

Порой выходило действительно забавно, как, например, у комика той же эпохи Телеклида, писавшего, что Перикл «то сидит в городе в недоумении от множества дел, с тяжелой головой, то один из головы своей огромной поднимает страшный шум». Впрочем, как бы то ни было, все эти ситуативные прозвища за Периклом как-то не закрепились, и в памяти потомков он остался прежде всего Олимпийцем.

Совсем иная судьба, если брать тот же план прозвищ, ждала представителей уже следующего поколения афинских лидеров – так называемых «новых политиков»⁹². Применительно к ним впервые появились «профессиональные» прозвища, причем, похоже, в качестве устойчивых, а не ситуативных.

Если взять «протагониста» всей этой группы, Клеона, то мало кому не известно, что его называли «кожевником» ($\beta\upsilon\rho\sigma\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$ – Schol. Aristoph. Equ. 369a; Suid. s.v. $\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$), хотя вряд ли этот богатый и в целом изнеженный человек за всю жизнь выдубил своими руками хоть одну кожу. Этим занимались работники в принадлежавшей ему мастерской, а сам он всецело посвятил себя политической карьере. Но уже во «Всадниках» Аристофана, этой «антиклеоновской» комедии, где знаменитый демагог представлен в виде раба-пафлагонянина, постоянно издевательским образом употребляются слова с корнем $\beta\upsilon\rho\sigma\tau$ -. Схожим образом Клеофонт⁹³, один из преемников Клеона, фактически возглавлявший Афины в последние годы Пелопоннесской войны, уже в «Афинской политике» Аристотеля фигурирует как $\lambda\upsilon\rho\sigma\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$ – «лирщик» (именно «лирщик», а не «лирник», не игрок на лире, а лирный мастер, т.е. в данном случае владелец мастерской, изготавливавшей музыкальные инструменты). Их менее удачливый «коллега», демагог Гипербол, вынужденный покинуть Афины в результате остракизма, обозначается у Аристофана эпитетом $\lambda\upsilon\chi\nu\sigma\tau\omicron\iota\omicron\varsigma$, «ламповщик, производитель светильников»⁹⁴. Второстепенный представитель того же поколения демагогов Лисикл упоминается в источниках с эпитетом аналогичного ряда – «скототорговец» ($\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\kappa\acute{\alpha}\tau\eta\lambda\omicron\varsigma$ – Plut. Pericl. 32; $\pi\rho\omicron\beta\alpha\tau\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$ – Suid. s.v.).

О том, что перед нами именно устойчивые прозвища, свидетельствует вот какой неопровержимый довод: у того же Аристофана они подчас употребляются *вместо* соответствующих имен, то есть он говорит, допустим, не «Клеон», а «кожевник» – и, следовательно, исходит из того, что аудитория без проблем поймет, о ком идет речь. Вообще говоря, комедия являлась почти неистощимым источником

⁹¹ О подобных выражениях применительно к Периклу в комедиях Кратина см., например: Rusten 2013.

⁹² Настолько удачным оказалось это выражение У.Р. Коннора (Connor 1971), что с тех пор им по отношению к политическим деятелям послеперикловского периода пользуются буквально все исследователи.

⁹³ О котором см. Vanderpool 1952.

⁹⁴ Карпюк 1998, 146.

изобретения обидных кличек для политиков⁹⁵; какие-то из них быстро забывались, но какие-то приживались и как бы «прилипали» к этим персонажам.

Парадоксальным образом к «профессиональным» прозвищам мы отнесли бы и то, которое получил еще один демагог, Гераклид Клазоменский. Аристотель в «Афинской политике» указывает, что он имел прозвище «Царь» (ὁ βασιλεύς ἐπικαλούμενος, Arist. Ath. pol. 41. 3). На первый взгляд весьма позитивное прозвище, но его появление связано отнюдь не с тем, что в Гераклиде было что-то царственное, а с совершенно другими обстоятельствами, как мы сейчас увидим.

Вопрос о Гераклиде Клазоменском достаточно детально разобран Э.В. Рунгом в контексте греко-персидских отношений⁹⁶; на его выкладки мы и опираемся. Вырисовывается следующая ситуация. Уроженец ионийских Клазомен, разумеется, не мог быть исконным афинским гражданином, а, значит, принадлежал к числу натурализованных. Когда Афины во второй половине 420-х гг. до н.э. заключали т.н. Эпиликов мирный договор с новым персидским царем Дарием II, только что вступившим на престол, Гераклид оказал ездившим в Персию послам афинянам какие-то, видимо, важные услуги. Во всяком случае, он буквально сразу же получил в Афинах проксению, а через какое-то время – и гражданство. Датировать сколько-нибудь точно этот последний факт вряд ли представляется возможным, но, во всяком случае, известно, что как гражданин Гераклид стал достаточно видным политиком, избирался стратегом (Plat. Ion 544c), а по своим воззрениям и действиям самым очевидным образом представлял радикальных демагогов; так, по его инициативе была увеличена плата за посещение народных собраний (Arist. Ath. pol. 41. 3). Это произошло на рубеже V–IV вв. до н.э., и, стало быть, к тому времени интересующий нас деятель гражданством уже располагал.

Гераклида, вне сомнения, следует назвать дипломатом (и, судя по всему, одним из видных в свою эпоху); что же касается его прозвища «Царь», то оно, как видно из вышесказанного, оказалось порождено именно его профессиональной дипломатической деятельностью как «эксперта» по ахеменидским делам, по взаимоотношениям с персидским *царем* (иными словами, тут перед нами проявление принципа не метафоры, а метонимии). Таким образом, тут перед нами скорее не хвалебное, а нейтральное, чисто идентифицирующее прозвище, не лишнее, помимо прочего, и по той причине, что имя Гераклид принадлежало к самым распространенным в Греции, и, соответственно, многие его носители упоминаются источниками с уточняющими эпитетами (как Гераклид Понтийский, Гераклид Лемб, Гераклид Критик и др.).

Дипломатической деятельностью занимался в ту же эпоху и Каллий, сын Гиппоника, из рода Кериков⁹⁷ (в литературе его обычно называют Каллием III⁹⁸, чтобы отличать от тезок из той же семьи); а вот демагогом его назвать трудно, поскольку он принадлежал к самой верхушке аристократии. Впрочем, здесь мы говорим о нем вообще не в связи с политикой. Похоже, Каллий все-таки имел устойчивое прозвище «Богатый» (πλούσιος). Аллюзии на это есть у античных

⁹⁵ Storey 1998; Stark 2002.

⁹⁶ Рунг 2000, 87–88.

⁹⁷ Суриков 2000б, 108–109.

⁹⁸ Например: Nails 2002, 68–74. Отметим, кстати, что очерк об этом Каллии в просопографическом труде Д. Нейлс является одним из наиболее информативных.

авторов. Так, у Ксенофонта (Xen. Symp. 4. 37) данный эпитет приложен к Каллию даже в превосходной степени – πλουσιώτατος, «богатейший».

Мы не думаем, чтобы здесь содержался какой-либо негативный оттенок. «Богатый» у античных греков, в общем-то, не было ругательным словом. Еще Ф.Ф. Зелинский справедливо заметил, что от древнегреческого богатства «веет свежим запахом земли», а не «затхлой атмосферой капитализма»⁹⁹. Перед нами опять же средство идентификации, поскольку в Афинах той же эпохи были и другие Каллии¹⁰⁰. Огромное состояние Каллия III было наследственным, и он, попутно заметим, не сохранил его, к концу жизни почти разорившись. «Каллий, Гиппоников сын, в ближайшее время по смерти отца считался самым богатым человеком в Элладе, и, говорят, дед оценил свое состояние в двести талантов, а теперь его имущество не ценится в два таланта» (Lys. XIX. 48).

Мы переместились с хронологической точки зрения уже в период поздней классики. И для него, приходится констатировать, данные по прозвищам политиков весьма скудны. Фокион, видный полководец и политический деятель Афин IV в. до н.э.¹⁰¹, охарактеризован римским биографом Корнелием Непотом так: «Добродетель его широко известна, и по ней получил он прозвище Честного» (Corn. Nep. Phoc. 1). «Честного» – так в переводе Н.Н. Трухиной, которым мы здесь пользуемся, а в латинском оригинале стоит Bonus (соответственно, по-гречески было Ἀγαθός). Может быть, «честный» – и не идеальная передача подобного эпитета, но, согласимся, ведь и трудно подобрать еще более подходящий вариант. «Хороший», «добрый»? Всё это тоже не вполне то. Указанные древнегреческая и римская лексема обозначают человека достойного во всех отношениях, наделенного не какой-то одной или несколькими из признававшихся базовыми добродетелей, а всем их комплексом. То же качество еще более обостренно передавалось понятием καλὸς καὶ ἀγαθός. Характерно, что у Плутарха именно так называет Фокиона не кто иной, как Александр Македонский (Plut. Phoc. 18)¹⁰². Таким образом, перед нами однозначно позитивное прозвище (прямо-таки как у Аристида в предыдущем столетии), но не будем забывать, что оно, естественно, использовалось политическими сторонниками Фокиона, однако вряд ли его противниками, которых было немало.

Что касается устойчивого прозвища «Фалерский» (ὁ Φαληρεὺς) у видного государственного деятеля и философа конца IV в., то тут спорить долго не приходится. Перед нами явно нейтральное, идентифицирующее прозвище, и никак иначе. Личное имя Деметрий тоже ведь являлось чрезвычайно частым. Об этом мы писали во второй статье данного цикла.

Общие итоги. На протяжении четырех статей нами было проанализировано вроде бы немалое количество материала. А в то же время результаты, кажется, трудно назвать впечатляющими, изобильными. Не то чтобы их совсем нет, но велик контраст с тем потоком данных, который наблюдается для эллинистического мира.

⁹⁹ Зелинский 1916, 58.

¹⁰⁰ Например, Каллий, сын Каллиада, тоже дипломат (Суриков 2000б, 108).

¹⁰¹ См. его яркую характеристику: Хабихт 1999, 17–18.

¹⁰² В связи с плутарховой биографией Фокиона см. Lamberton 2003.

Особенно бросается в глаза малое количество «позитива». У эллинистических правителей *официальные* прозвища были обязательно позитивными («Спаситель», «Бог», «Благодетель» и т.п.), хотя в качестве *неофициальных* прозвищ могли появляться и оскорбительные¹⁰³, но нормой это все-таки не было. А для классических Афин был совершенно неизбежен такой жанр, как аттическая комедия, – жанр, который в качестве своей интегральной предпосылки предполагал осмеяние «всего и вся»¹⁰⁴. Отсюда – масса ситуативных негативных прозвищ. Впрочем, какие-то из них (видимо, воспринимавшиеся как наиболее удачные) могли перерасти из ситуативных в устойчивые.

В целом у греков доэллинистического времени прозвища были, как нам представляется, недостаточно распространены (особенно если говорить о политиках, а с деятелями культуры дело обстоит несколько иначе). Причины подобного положения дел еще предстоит осмыслить. Возможно, играло какую-то роль то обстоятельство, что в эпоху эллинизма во всех отношениях расширились рамки греческого мира, а одновременно и интенсифицировались контакты между государствами. Ономастический же фонд греков оставался практически прежним, достаточно ограниченным, и для идентификации лиц традиционных имен подчас уже не хватало; соответственно, прозвищ стало больше.

ЛИТЕРАТУРА

- Вейсман, А.Д. 1991: *Греческо-русский словарь: Репринт V-го издания 1899 г.* М.
- Видадь-Накэ, П. 2001: *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире.* М.
- Габелко, О.Л. 2014: Антигон Монофталм и Антигон Фуск: к интерпретации двух прозвищ эллинистических монархов. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Зелинский, Ф.Ф. 1916: *Из жизни идей: Научно-популярные статьи. Т. 1. 3 изд.* Пг.
- Карпюк, С.Г. 1998: Гипербол, «человек негодный» // *Вестник древней истории* 4 (227), 142–156.
- Маринович, Л.П., Кошеленко, Г.А. 1996: Уроки античной демократии. В кн.: Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко (ред.), *Античная демократия в свидетельствах современников.* М., 319–330.
- Рунг, Э.В. 2000: Эпиликов мирный договор. *Вестник древней истории* 3 (234), 85–96.
- Рунг, Э.В. 2009: *Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда.* Казань.
- Суриков, И.Е. 1994: *Килонова скверна в истории Афин VII–V вв. до н.э. дис. ... канд. ист. наук.* М.
- Суриков, И.Е. 1995: Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античный мир и его судьбы в последующие века.* М., 43–52.
- Суриков, И.Е. 2000а: Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии. *Проблемы истории, филологии, культуры* 8, 100–109.
- Суриков, И.Е. 2000б: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1.* Казань, 95–112.

¹⁰³ См. пример: Габелко 2014.

¹⁰⁴ Ср. интереснейшую теорию происхождения комедии, выдвинутую видным представителем кембриджской «ритуалистской школы»: Cornford 1934.

- Суриков, И.Е. 2000в: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох*. М.
- Суриков, И.Е. 2003: Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии). *Вестник древней истории* 2 (245), 16–25.
- Суриков, И.Е. 2004: Острака и афинская просопография. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История*. 1 (3), 51–65.
- Суриков, И.Е. 2005а: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы). *Вестник древней истории* 1 (252), 15–33.
- Суриков, И.Е. 2005б: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии*. М.
- Суриков, И.Е. 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *Вопросы эпиграфики* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2012: Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения. *Вестник древней истории* 2 (281), 29–54.
- Суриков, И.Е. 2014: Речи Антифонта как источник сведений об уголовном праве Афин классической эпохи. *Древнее право* 1 (29), 10–35.
- Суриков, И.Е. 2017а: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1 (55), 19–34.
- Суриков, И.Е. 2017б: Прозвища у греков архаической и классической эпох. II. У истоков феномена. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3 (57), 5–26.
- Суриков, И.Е. 2017в: Волки и львы в античных греческих представлениях: Гомер, Солон и «История животных» Аристотеля. *История и современность* 1 (25), 131–150.
- Суриков, И.Е. 2018: Прозвища у греков архаической и классической эпох. III. Прозвища политиков: архаика и ранняя классика. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1 (59), 89–113.
- Туманс, Х.Р. 2011: «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах». *Аристей* 4, 27–51.
- Хабихт, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Adak, M. 2003: *Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.)*. München.
- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Bicknell, P.J. 1974: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1975: Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? *L'Antiquité classique* 44, 1, 172–175.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.

- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Cantarella, E. 1989: L'omosessualità nel diritto ateniese. In: G. Thür (Hg.), *Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 153–175.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Cohen, E.E. 2000: *The Athenian Nation*. Princeton.
- Connor, W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton.
- Cook, R.M. 1989: The Francis – Vickers Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 109, 164–170.
- Cornford, F.M. 1934: *The Origin of Attic Comedy*. 2nd ed. Cambridge.
- Cox, C.A. 1989: Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens. *Classical Journal* 85, 1, 34–46.
- Cromey, R.D. 1979: Kleisthenes' Fate. *Historia* 28, 2, 129–147.
- Culasso Gastaldi, E. 1997: Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous. *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche* 8, 2, 253–271.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Francis, E.D. 1990: *Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars*. L. – N.Y.
- Francis, E.D., Vickers, M. 1982: Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens. *American Journal of Archaeology* 86, 2, 264.
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxf., 401–423.
- Harvey, F.D. 1984: The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13). *Klio* 66, 1, 58–73.
- Harvey, F.D. 1985: Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics. In: P.A. Cartledge, F.D. Harvey (eds.), *Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday*. Exeter, 76–117.
- Helly, B. 1994: La glose d'Hésychius Μενωνίδαι: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 68, 1/2, 135–146.
- Henderson, J. 1991: *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. 2 ed. Oxf.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides. Vol. 1*. Oxf.
- Humphreys, S.C. 1983: *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. L.
- Jones, G.S. 2016: Observing Genre in Archaic Greek *Skolia* and Vase-Painting. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song, Vol. 1*. Leiden – Boston, 146–184.
- Kulesza, R. 1995: *Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* Konstanz.
- Lamberton, R. 2003: Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens. In: O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), *The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001*. Oxf., 8–13.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lavelle, B.M. 1989: Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 30, 4, 503–513.
- Leão, D.F., Rhodes, P.J. 2016: *The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary*. 2016.

- Lenfant, D. 2016: Anytos et la corruption massive de juges dans l'Athènes démocratique. *Historia* 65, 3, 258–274.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Lewis, D.M. 1993: Megakles and Eretria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 96, 51–52.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxf.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* N.Y.
- Mansouri, S. 2011: *Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.)*. P.
- Milne, M.J., Bothmer, D. von 1953: ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ. *Hesperia* 22, 4, 215–224.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Mossé, C. 1985: De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes. *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica* 7, 9–18.
- Mossé, C. 1995: La classe politique à Athènes au IVe siècle. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 67–77.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Attica*. Oxf.
- Palme, B. 2002: Aristophanes, Equ. 855–857 (424 v.Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 216–219.
- Pardini, A. 1990: Megacle, Ateniese ed Alcmeonide. *Quaderni urbinati di cultura classica* 34, 19–34.
- Parker, V. 1994: Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der "Leagros-Gruppe". *Archäologischer Anzeiger* 3, 365–373.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. B.
- Piccirilli, L. 1983: Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P. 5978. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 51, 169–176.
- Raubitschek, A.E. 1939: Leagros. *Hesperia* 8, 2, 155–164.
- Raaflaub, K.A. 2000: Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 97–113.
- Raubitschek, A.E. 1947: The Ostracism of Xanthippos. *American Journal of Archaeology* 51, 3, 257–262.
- Raubitschek, A.E. 1955: Menon, Son of Menekleides. *Hesperia* 24, 4, 286–289.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robinson, D.M., Fluck, E.J. 1937: *A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore.
- Rusten, J.S. 2013: 'The Odeion on his Head': Costume and Identity in Cratinus' *Thracian Women* fr. 73, and Cratinus' Techniques of Political Satire. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden – Boston, 279–290.
- Samons, L.J. 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance*. Stuttgart.
- Schreiner, J.H. 1970: The Origin of Ostracism Again. *Classica et mediaevalia* 31, 84–97.

- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shear, T.L. 1963: Koisyra: Three Women of Athens. *Phoenix* 17, 2, 99–112.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i “candidati” all’ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Siewert, P. 2002a: Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v.Chr.): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 223–226.
- Siewert, P. 2002b: Pindar, Pyth. 7.18–21 (486 v.Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 167–170.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stanton, G.R. 1996: A Graffito on a Megakles Ostrakon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 111, 69–73.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart – Weimar, 147–167.
- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Taylor, C. 2001: Bribery in Athenian Politics Part II: Ancient Reaction and Perceptions. *Greece & Rome* 48, 2, 154–172.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21, 2, 114–115.
- Vickers, M. 1990: Attic Symposia after the Persian Wars. In: O. Murray (ed.), *Symptica: A Symposium on the Symposion*. Oxf., 105–121.
- Vickers, M. 1997: *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes’ Early Plays*. Austin.
- Webster, T.B.L. 1962: Historical Commentary. In: A.J.B. Wace, F.H. Stubbings (eds.), *A Companion to Homer*. L., 452–462.
- Whitehead, D. 2001: Athenian Demes as *Poleis* (Thuc. 2.16.2). *Classical Quarterly* 51, 2, 604–607.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Williams, D. 1996: Refiguring Attic Red-figure: A Review Article. *Revue archéologique* 2, 227–252.
- Williams, G.W. 1951: The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History. *Hermathena* 78, 32–49.
- Williams, G.W. 1952a: The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars. *Hermathena* 79, 1–21.
- Williams, G.W. 1952b: The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades. *Hermathena* 80, 58–71.

REFERENCES

- Adak, M. 2003: *Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.)*. München.

- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Keramēikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Bicknell, P.J. 1974: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1975: Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? *L'Antiquité classique* 44, 1, 172–175.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Brenne, S. 1992: "Portraits" auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Cantarella, E. 1989: L'omosessualità nel diritto ateniese. In: G. Thür (Hg.), *Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 153–175.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Cohen, E.E. 2000: *The Athenian Nation*. Princeton.
- Connor, W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton.
- Cornford, F.M. 1934: *The Origin of Attic Comedy*. 2nd ed. Cambridge.
- Cook, R.M. 1989: The Francis – Vickers Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 109, 164–170.
- Cox, C.A. 1989: Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens. *Classical Journal* 85, 1, 34–46.
- Cromey, R.D. 1979: Kleisthenes' Fate. *Historia* 28, 2, 129–147.
- Culasso Gastaldi, E. 1997: Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous. *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche* 8, 2, 253–271.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Francis, E.D. 1990: *Image and Idea in Fifth-Century Greece: Art and Literature after the Persian Wars*. London – New York.
- Francis, E.D., Vickers, M. 1982: Kaloi, Ostraka and the Wells of Athens. *American Journal of Archaeology* 86, 2, 264.
- Gabelko, O.L. 2014: Antigon Monoftalm i Antigon Fusk: k interpretatsii dvukh prozvizhch ellinisticheskikh monarkhov [Antigonos Monophthalmos and Antigonos Phouskos: An interpretation of two nicknames of the Hellenistic monarchs]. *Antiquitas aeterna* 4, 119–130.
- Habicht, C. 1999: *Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhy* [Athens: The History of the City in the Hellenistic Period]. Moscow (in Russian).
- Hackstein, O. 2010: The Greek of Epic. In: E.J. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Oxford, 401–423.
- Harvey, F.D. 1984: The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13). *Klio* 66, 1, 58–73.
- Harvey, F.D. 1985: Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics. In: P.A. Cartledge, F.D. Harvey (eds.), *Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday*. Exeter, 76–117.

- Helly, B. 1994: La glose d'Hésychius Μενωνίδαί: pénestes thessaliens ou ostracisés athéniens? *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 68, 1/2, 135–146.
- Henderson, J. 1991: *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. 2 ed. Oxford.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Humphreys, S.C. 1983: *The Family, Women and Death: Comparative Studies*. London.
- Jones, G.S. 2016: Observing Genre in Archaic Greek *Skolia* and Vase-Painting. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song*, Vol. 1. Leiden – Boston, 146–184.
- Karpyuk, S.G. 1998: Giperbol, “chelovek negodnyy” [Hyperbolos, “a wretched man”]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 4 (227), 142–156 (in Russian).
- Kulesza, R. 1995: *Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* Konstanz.
- Lamberton, R. 2003: Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens. In: O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), *The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001*. Oxf., 8–13.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lavelle, B.M. 1989: Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 30, 4, 503–513.
- Leão, D.F., Rhodes, P.J. 2016: *The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary*. 2016.
- Lenfant, D. 2016: Anytos et la corruption massive de juges dans l'Athènes démocratique. *Historia* 65, 3, 258–274.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Lewis, D.M. 1993: Megakles and Eretria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 96, 51–52.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English Lexicon: With a Revised Supplement*. Oxford.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mansouri, S. 2011: *Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.)*. Paris.
- Marinovich, L.P., Koshelenko, G.A. 1996: Uroki antichnoy demokratii [Lessons of ancient democracy]. In: L.P. Marinovich, G.A. Koshelenko (eds.), *Antichnaya demokratiya v svidetel'stvakh sovremennikov [Ancient democracy in the contemporary testimonies]*. Moscow, 319–330 (in Russian).
- Milne, M.J., Bothmer, D. von 1953: ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ. *Hesperia* 22, 4, 215–224.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Mossé, C. 1985: De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes. *Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica* 7, 9–18.
- Mossé, C. 1995: La classe politique à Athènes au IVe siècle. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 67–77.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1994: *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. 2: Attica. Oxford.
- Palme, B. 2002: Aristophanes, Equ. 855–857 (424 v.Chr.): der Demos könnte gegen Kleon das Ostrakinda-Spiel durchführen (424 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 216–219.
- Pardini, A. 1990: Megacle, Ateniese ed Alcmeonide. *Quaderni urbinati di cultura classica* 34, 19–34.

- Parker, V. 1994: Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der "Leagros-Gruppe". *Archäologischer Anzeiger* 3, 365–373.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. Berlin.
- Piccirilli, L. 1983: Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P. 5978. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 51, 169–176.
- Raaflaub, K.A. 2000: Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 97–113.
- Raubitschek, A.E. 1939: Leagros. *Hesperia* 8, 2, 155–164.
- Raubitschek, A.E. 1947: The Ostracism of Xanthippos. *American Journal of Archaeology* 51, 3, 257–262.
- Raubitschek, A.E. 1955: Menon, Son of Menekleides. *Hesperia* 24, 4, 286–289.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Robinson, D.M., Fluck, E.J. 1937: *A Study of the Greek Love-Names Including a Discussion of Paederasty and a Prosopographia*. Baltimore.
- Rung, E.V. 2000: Epilikov mirnyy dogovor [Epilycus' peace treaty]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 3 (234), 85–96 (in Russian).
- Rung, E.V. 2009: *Greko-persidskie otnosheniya: politika, ideologiya, propaganda [Greco-Per-sian relations: politics, ideology, propaganda]*. Kazan.
- Rusten, J.S. 2013: 'The Odeion on his Head': Costume and Identity in Cratinus' *Thracian Women* fr. 73, and Cratinus' Techniques of Political Satire. In: G.W.M. Harrison, V. Liapis (eds.), *Performance in Greek and Roman Theatre*. Leiden–Boston, 279–290.
- Samons, L.J. 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance*. Stuttgart.
- Schreiner, J.H. 1970: The Origin of Ostracism Again. *Classica et mediaevalia* 31, 84–97.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shear, T.L. 1963: Koisyra: Three Women of Athens. *Phoenix* 17, 2, 99–112.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all' ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Siewert, P. 2002a: Plato Comicus fr. 168 PCG VII (ca. 416 v.Chr.): Vergleich des Ostrakismos mit dem Ostrakinda-Spiel der Kinder (416 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 223–226.
- Siewert, P. 2002b: Pindar, Pyth. 7.18–21 (486 v.Chr.): athenische Mißgunst gegen hippische Siege der Alkmeoniden als Motiv für die Ostrakisierung des Megakles (486 v.Chr.). In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 167–170.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stanton, G.R. 1996: A Graffito on a Megakles Ostrakon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 111, 69–73.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart–Weimar, 147–167.

- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Surikov, I.E. 1994: *Kilonova skverna v istorii Afin VII–V vv. do n.e.* [Kylonian pollution in the history of Athens, 7th – 5th centuries B.C.]. PhD in history dissertation. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 1995: Zhenshchiny v politicheskoy zhizni pozdnearkhaicheskikh i ranneklassicheskikh Afin [Women in political life of Late Archaic and Early Classical Athens]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnyy mir i ego sud'by v posleduyushchie veka* [Ancient world and its fates in subsequent centuries]. Moscow, 43–52.
- Surikov, I.E. 2000a: Ksantipp, otets Perikla: Shtrikhi k politicheskoy biografii [Xanthippos, Perikles' father: some features to a political biography]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 8, 100–109 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2000b: Dva ocherka ob afinskoy vneshney politike klassicheskoy epokhi [Two notes on the Classical Athens' foreign policy]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhgosudarstvennyye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1* [Interstate relations and diplomacy in antiquity, Pt. 1]. Kazan, 95–112 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2000v: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epoch* [From the history of Greek aristocracy in Late Archaic and Early Classical periods]. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 2003: Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Eretriya (Epigraficheskoye svidetel'stvo o vneshnikh svyazyakh afinskoy aristokratii) [Megacles' ostrakon, the Alcmaeonidae and Eretria (An epigraphical evidence for foreign relations of Athenian aristocracy)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2 (245), 16–25 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2004: Ostraka i afinskaya prosopografiya [Ostraka and Athenian prosopography]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Isoriya* [Journal of N.V. Lobachevsky Nizhny Novgorod University, History series] 1 (3), 51–65.
- Surikov, I.E. 2005a: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Politicheskaya elita atticheskikh demov v period ranney klassiki (K postanovke problemy) [ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Political elite of Attic demes in Early Classical period (Statement of the problem)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 1 (252), 15–33 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2005b: *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannaya klassika* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. Archaic and Early Classical periods]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens]. Moscow (in Russian).
- Surikov, I.E. 2008: *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. The heyday of democracy]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nablyudeniya v svyazi s onomastiko-prosopographicheskim materialom afinskikh ostrakonov [New observations on the onomastical and prosopographic information of the Athenian ostraka]. *Voprosy epigraphiki* [Questions of epigraphic] 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2012: Arkhontat v Afinakh: ot istokov instituta do utraty im politicheskogo znacheniya [Archonship in Athens: from the origins of the institution to the loss of its political significance]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 2 (281), 29–54 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2014: Rechi Antifonta kak istochnik svedeniy ob ugovnom prave Afin klassicheskoy epokhi [Antiphon's speeches as a source for criminal law in classical Athens]. *Ius antiquum* 1 (29), 10–35 (in Russian).
- Surikov, I.E. 2017a: Prozvishcha u grekov arkhaiskoy i klassicheskoy epoch. I. Predvaritel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: I. Preliminary thoughts of general theoretical character].

- Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1 (55), 19–34.
- Surikov, I.E. 2017b: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch. II. U istokov fenomena [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: II. On the origins of the phenomenon]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3 (57), 5–26.
- Surikov, I.E. 2017v: Volki i l'vy v antichnykh grecheskikh predstavleniyakh: Gomer, Solon i "Istoriya zhiivotnykh" Aristotelya [Wolves and lions in Ancient Greek views: Homer, Solon and Aristotle's *Historia animalium*]. *Istoriya i sovremennost'* [History and contemporaneity] 1 (25), 131–150.
- Surikov, I.E. 2018: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epoch. III. Prozvishcha politikov: arkhaiska i rannyya klassika [Nicknames among the Greeks: Greeks' nicknames of the Archaic and Classical periods: III. Nicknames of Archaic and Early Classical politicians]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1 (59), 89–113 (in Russian).
- Taylor, C. 2001: Bribery in Athenian Politics Part II: Ancient Reaction and Perceptions. *Greece & Rome* 48, 2, 154–172.
- Tumans, H.R. 2011: "L'vy i "volki u Gomera: zametki k epicheskoy "tabeli o rangakh ["Lions" and "wolves" in Homer: notes on the epical "table of ranks". *Aristey* [Aristeus] 4, 27–51.
- Vanderpool, E. 1952: Kleophon. *Hesperia* 21, 2, 114–115.
- Veisman, A.D. 1991: *Grechesko-russkiy slovar': Reprint V-go izdaniya 1899 g.* [A Greek-Russian lexicon: A reprint of the 5th edition, 1899]. Moscow.
- Vickers, M. 1990: Attic Symposia after the Persian Wars. In: O. Murray (ed.), *Symptica: A Symposium on the Symposion*. Oxford, 105–121.
- Vickers, M. 1997: *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays*. Austin.
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The black hunter: Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Moscow.
- Webster, T.B.L. 1962: Historical Commentary. In: A.J.B. Wace, F.H. Stubbings (eds.), *A Companion to Homer*. London, 452–462.
- Whitehead, D. 2001: Athenian Demes as *Poleis* (Thuc. 2.16.2). *Classical Quarterly* 51, 2, 604–607.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
- Williams, D. 1996: Refiguring Attic Red-figure: A Review Article. *Revue archéologique* 2, 227–252.
- Williams, G.W. 1951: The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History. *Hermathena* 78, 32–49.
- Williams, G.W. 1952a: The Curse of the Alkmaionidai. II. Kleisthenes and the Persian Wars. *Hermathena* 79, 1–21.
- Williams, G.W. 1952b: The Curse of the Alkmaionidai. III. Themistokles, Perikles, and Alkibiades. *Hermathena* 80, 58–71.
- Zelinskiy, F.F. 1916: *Iz zhizni idey: Nauchno-populyarnye stat'i* [From the life of ideas: Scientific-popular articles]. Vol. 1. 3rd ed. Petrograd.

GREEK NICKNAMES OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS.
IV. ATHENS: FROM THE “GREAT OSTRACISMS”
TO THE “GREAT DEMAGOGUES”

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia; Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru*

Abstract. The first part of the article analyzes and classifies nicknames of prominent Athenian politicians as read in ostraka. The author is matching his old principle, according to which nicknames were *a)* neutral, positive, negative; *b)* standing, situative, secondary. It becomes clear that situative negative nicknames prevail in ostraka, and their source, it seems, in a number of cases may have been invectives in comedy.

Further, the author turns to nicknames of demagogue politicians in the Late Classical period, and he notes that in the end of the 5th century B.C. there appear “professional” nicknames (such as Kleon “the Tanner”, Hyperbolos “the Lamp-maker”, etc.). They were often also generated by comedy as satiric epithets.

In the conclusion it is noted that in general nicknames were less developed among the Greeks of pre-Hellenistic times than later. Maybe, a circumstance played its role that in the Hellenistic period frameworks of the Greek world widened in all respects, and contacts between states became more intensive. But the onomastical fund of Greeks remained practically the same, limited enough.

Keywords: nicknames, Greece, Athens, ostracism, ostraka, demagogues, epithets

---
